

ВЛАСТЬ С ПУШКИНЫМ НА ОДНОЙ НОГЕ?

— Виктор, могу я узнать, по чью сторону «баррикад» писатель Ерофеев: с Новодворской — «политика и литература — две вещи несовместны», или с Прохановым — «литератор должен быть в политике»?

— Если мы зафиксируем литературу строго вне политики или в ней, то сузим рамки прежде всего литературы, но также и политики. Среди разных слабостей, свойственных политикам независимо от их конъюнктуры, есть главная — это жесткость экзистенциального поведения. А нормальный человек, который реально проживает свою жизнь и тонко чувствует вертикальные, горизонтальные координаты бытия, обладает определенной экзистенциальной гибкостью. И не может не понимать, что в один момент литератор может быть связан с политикой, в другой — совершенно ей не нужен. Истина блуждает где-то «между». И именно это делает жизнь живой.

— Как вы думаете, в чем ценность вашей передачи?

— «Апокриф» — это своего рода «дневник писателя», в котором я показываю

человека изнутри: как, переживая разные ситуации, он способен делать выбор в ту или иную сторону — становиться и консерватором, и либералом, и радикалом, и даже внутренним коммунистом. И тем самым превращается в мыслящую, значимую личность.

Сегодняшняя же передача еще раз показала, что нашей страной правят совершенно абстрактные идеи, которые насыщают политиков энергией, самым превращаются в мыслящую, значимую личность и конфронтации. Но при этом они практически не решают ни одной проблемы. Сколько можно твердить одну и ту же банальность про то, что писатель и поэт в России — больше или меньше, чем просто писатель и поэт?

— Как шутил Генри Киссинджер: «Какие-то девяносто процентов политиков портят репутацию всех»?

— Сегодняшние политики — это персонажи некой жанрово непознанной пьесы. Когда их немного сдвигаешь в сторону от политики и просишь порассуждать о других вещах, — сразу становится ясно, кто чего стоит, начинаешь понимать, как действуют эти мозги.

— Вы согласны с прозвучавшим в студии мнением, что роль литературы в обществе стремительно падает и что в этом виновата она сама?

— Сама литература ни в чем не виновата. Виноваты писатели. Просто из-за лени или нечеткости представлений, что такое литература, они загоняют ее в гораздо более критическое положение, чем ей положено сегодня быть. И стоит нечто поместить под обложку книги, как мы начинаем называть это литературой.

— Сейчас в нашем обществе существует некий идеологический вакуум, который не заполняет и современная литература. Политики красиво рассказывают нам, куда и как правильно вести «корабль», то есть страну. Меж тем прорыва в новое качество жизни не происходит. Может быть, нам не хватает объединяющей позитивной идеи? Есть ли в этом долг писателей перед обществом?

— Писатели ничего никому не должны, потому что писательство — это считывание какой-то Божественной Матрицы. Те, кто занимается этим «ремеслом», к нему приговорены и являются некими репродукторами, под-

ключенными к Источнику Питания. Ведь литература — это не профессия, а призвание. И ввиду неслучайности того, что писатели «списывают» с Матрицы, дело самих читателей — понять ту Вещь, которую они им несут.

Наша идея, видимо, должна заключаться в том, чтобы попасть в нормальную цивилизацию, где мы могли бы потреблять и производить определенный набор жизнеспособных идей. Прежде всего идею продуктивности — когда люди понимают, зачем надо больше зарабатывать денег.

И, естественно, нужны позитивные мотивации. Ведь если человек просыпается утром и не знает, зачем ему вставать, — он не встанет. А вот если знает, чего хочет, то с удовольствием поднимется с кровати. Пока же у нас мотивации — не выше Мексики или Берега Слоновой Кости.

— Мотивация, по-вашему, связана больше с идеологией или целью?

— Это не идеология. Идеология — это когда человек проживает свою жизнь во имя определенной системы идей. Она всегда сильнее,

чем жизнь. Нам следует бороться с идеологией и просто искать те ценности, которые дадут нам возможность благополучно вернуться в цивилизацию и сохранить себя как нацию. При всем том наборе российской оригинальности, которая у нас есть.

Нашим скромным подарком цивилизации было бы, если бы мы признали скорее нашу слабость, чем нашу силу. И сказали, что вот тут и тут у нас не отработано. И не надо этого бояться! Но с такими политиками, каких мы наблюдаем сейчас... Они предпочитают громко петь и кричать про «святую Русь».

— Как-то пессимистично вы смотрите в будущее. И в особую пассионарность России, наверно, совсем не верите?

— Эти идеи когда-то развивал Гумилев. Мне кажется, нам меньше нужно говорить о нашей «особости». России совершенно не нужно превращаться в имперскую страну с сильными лозунгами. Россия — страна с воображением. Вот ей и нужно соединить народное воображение с возможностями среднеарифметической цивилизации. И я не вижу иного пути.